

Криминальная опера

Русских каторжан, отправленных в Сибирь, снова воспели

Ольга Романцова

На одной из столичных площадок состоялась премьера оперы Умберто Джордано «Сибирь», не ставившейся в России как минимум лет пятнадцать. События оперы разворачиваются в России, на сцене хлещут водку, а одна из самых трагических сцен разыгрывается под музыку гимна «Боже, царя храни!».

«Если не смогу писать оперы, стану учителем фехтования», — говорил Умберто Джордано, работавший в Италии в начале XX века. Итальянцу тотально не везло. В то время самым популярным стилем в музыке был веризм (от итальянского слова *vero* — правда, истина). Композиторы сочиняли оперы на сюжеты из криминальной хроники и использовали в либретто жаргонные словечки. А Умберто был романтиком. Ему нравились сюжеты, похожие на сказки, и возвышенная любовь. Поэтому его оперы с треском проваливались. От невезения композитора спасла женитьба на Ольге Шпац — дочери владельца отеля, который был выходцем из России. Она подсказала ему интересный ход: композитор стал сочинять оперы о событиях, происходивших в нашей стране. И мог придумывать любые романтические сюжеты: ведь никто не мог проверить, бывает такое в России или нет. А Ольга напевала Джордано мелодии русских песен, которые он включал в партитуры своих опер. После успеха «Федоры», сделанной по этому рецепту, композитор воспрянул духом, сочинил несколько опер на русские сюжеты, прославился и впоследствии считался одним из «специалистов» по России.

Сюжет «Сибири» очень похож на «Сибирского цирюльника» Никиты Михалкова или одну из серий «Бандитского Петербурга». Куртизанка Стефана, живущая на содержании у князя Алексиса, заводит роман с молодым офицером Василием. Офи-

Постановка с участием мафиози всегда найдет зрителя и в Италии, и в России.

цер из ревности вызывает князя на дуэль и попадает на каторгу в Сибирь. Стефана едет на каторгу вслед за ним, пытается организовать ему побег и гибнет от случайного выстрела.

В музыкальной партитуре немало курьезов. Например, сцена дуэли Василия и Алексиса разыгрывается под музыку гимна «Боже, царя храни!». А лейтмотивом сцен сибирской каторги становится лихая песня бурлаков

«Эй, ухнем!», поскольку итальянец их нечаянно спутал.

Перед Дмитрием Бертманом, взявшимся за постановку «Сибири», стояла непростая задача: как трактовать исторические реалии? Любой западный режиссер сделал бы из «Сибири» развесистую клюкву в духе голливудских блокбастеров, и она прошла бы на ура. Но ведь оперу показывают в России. Пришлось переносить итальянские фантазии обратно на русскую почву, учитывая то, что они имеют с реальностью мало общего.

В итоге режиссеру удалось усидеть на двух стульях. Передать чувства, наполняющие героев, и немного поиграть со штампами постановок «в русском духе». В первом акте офицеры на сцене лихо опрокидывали стопки водки на фоне роскошного петербургского зала. А красотки в кринолинах и цилиндрах бродили по сцене и строили им глазки. В конце, под звуки «Боже царя храни!», девушки вышли в кринолинах в арестантскую полосочку, а декор стен вдруг разделился на множество маленьких полос, которые свисали сверху как снежная бахрома. Во втором акте из них то сплетали сеть, напоминая о тюремной решетке и сетях страсти, в которых запутались Стефана и Василий, то расплетали обратно.

ИТАР-ТАСС. ЭМИЛЬ МАТВЕЕВ